

¹ Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. СПб., 1901. С 5–9. (Division of the population of the empire according to the main confessions. Saint Petersburg, 1901. P. 5–9).

² Michael W. Johnson. Imperial Commission or Orthodox Mission: Nikolai Il'minskii Work among the Tatars of Kazan, 1862–1891. PhD diss. (University of Chicago, 2005). P. 78.

³ Малов Е. Статистические сведения о крещеных татарах в Казанской и некоторых других епархиях в Волжском бассейне // Миссионерство среди магомедан и крещеных татар. Казань, 1892. С. 400; Памятная книжка Казанской губернии на 1901 г. Казань, 1901, С. 18–23 (E. Malov. Statisticheskie svedeniia o kreschenuh tatarakh v kazanskoj i nekotorykh drugikh eparkhiiakh v volzhzskom basseine // Missionerstvo sredi mukhammedan i kreschenukh Tatar. Kazan, 1892. 400 (Pamyatnaia knizhka kazanskoj gubernii na 1901 g. Kazan, 1901. P. 18–23.)

⁴ Kefeli Agnes. The Role of Tatar and Kriashen Women in the Transmission of Islamic Knowledge // Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / R. Geraci and M. Khodarkovsky eds. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. P 250–273.

⁵ Казанская крещено-татарская школа: материалы для просвещения крещенных татар. Казань, 1887. С. 5 (Kazanskaia krescheno-tatarskaia shkola: materialu dlya prosvescheniia kreschenukh tatar (Kazan: Kliuchnikov publishing house, 1887. P. 5).

К.Н. Сануков

Поляки и польские граждане в Марийской АССР в 1930–1940-х годах

Среди жертв сталинских репрессий 1930–1940-х годов большой удельный вес заняли поляки и польские граждане различных национальностей. До начала Второй войны (1939 год) Советское правительство рассматривало Польшу как потенциальный плацдарм Запада для интервенции против СССР, а лиц польской национальности в качестве враждебной силы.

В 1934–1936 годы по очистке приграничной с Польшей зоны на восток было переселено 36 тысяч поляков¹, в том числе несколько десятков семей в Марийскую автономную область (АССР).

11 августа 1937 года нарком НКВД Н.И. Ежов подписал приказ № 00485, утвержденный 9 августа на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), и секретное сопроводительное письмо к нему «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР»². В письме отмечалось, что «вскрыта и ликвидируется крупнейшая ... диверсионно-шпионская сеть польской разведки в СССР, существовавшая в виде так называемой «Польской организации войсковой» (далее ПОВ-К.С.), ставилась задача «полной ликвидации незатронутой до сих пор широкой диверсионно-повстанческой низовки ПОВ и основных людских контингентов польской разведки в СССР». Контингент лиц, подлежащих репрессированию, в этих документах был обозначен такой обширный, что охватывал практически всех поляков, лиц других национальностей, родившихся в Польше или каким-то образом связанных с Польшей, с поляками. Эти документы были направлены во все местные органы НКВД. По всей стране началась массовая «польская» операция. На местах приказ и письмо были восприняты как указание выявить и ликвидировать всех поляков.

В конце 1937 и в начале 1938 года в Йошкар-Оле было сфабриковано несколько «дел», в которых утверждалось: «3-м отделом УГБ НКВД МАССР на территории Марийской АССР вскрыт и ликвидирован филиал польской контрреволюционной националистической организации, именуемой Польша Организация Войскова»³. Члены этой организации якобы вели шпионско-диверсионную работу, занимались подготовкой вооруженного восстания, тер-

рористических и диверсионных актов, приуроченных к моменту нападения зарубежных стран, в том числе Польши, на Советский Союз.

По подобным обвинениям в Марийской АССР было репрессировано около 150 человек. Это, в первую очередь, жившие на территории Марийской республики поляки, оказавшиеся здесь в качестве эвакуированных, беженцев, военнопленных периода первой мировой войны, или даже жившие здесь до того, и их дети.

Так, были репрессированы Мартин Апполинарьевич Контский, уроженец Варшавы, еще в конце XIX века начавший работать лесничим в Царевококшайском уезде, и его сыновья: лесничий Бронислав и врач Фаддей (Тадеуш). При этом по доносам соседей выяснилось, что на квартире Контских часто встречались жившие в городе и поблизости поляки, разговаривали и пели на родном языке. Это дало основание выдвинуть обвинение, что квартира эта была явкой членов ПОВ.

Кость Мартин (Константин Мартынович) Колодий был «гражданским пленным» периода первой мировой войны, женился на местной женщине из пригородной деревни и переехал туда, занялся крестьянским трудом. В 1921 году уехал в Польшу, но жизнь у него там не сложилась: батрачил, бедствовал; поэтому в 1927 году вернулся к своей семье. В 1938 году, будучи сторожем Горводстроя

в Йошкар-Оле, был арестован и расстрелян по обвинению в том, что он, пройдя в Польше шпионско-диверсионную подготовку, был заброшен в СССР и в случае войны должен был взорвать водопровод в Йошкар-Оле.

Подобная судьба постигла беженков периода первой мировой войны Иру Юадар, Марию Ярошенко, Эмилию Солончину, Шнут-Пайгачкину, Акульскую-Сибатрову и других, вышедших замуж за местных жителей, эвакуированную семью Матвеюк, военнопленного Виктора Литвиновича, взявшего в деревне по жене фамилию Крапивин, и многих других.

Другую группу репрессированных поляков составили ссыльные, выселенные из западных приграничных районов. В 1934 году в Йошкар-Олу из Белоруссии были высланы Адольф Матвеевич Адуцкевич, его жена Станислава Антоновна Янчевская, дети Вацлав и Евгения. В 1938 году они были расстреляны. Их обвинили в контрреволюционной пропаганде, выражавшейся в «восхвалении жизни в капиталистической Польше», о чем они знали по письмам родственников, и в шпионаже. Высланный в 1935 году «за антисоветские разговоры» Станислав Ксаверьевич Бучинский сумел устроиться по специальности — мастером в железнодорожное депо на лесовозной дороге. Его репрессировали за подготовку диверсии на железной дороге.

Уникальна история с Петром Ивановичем Остапенским. Уроженец Одесской области, он в 1931 году был выслан из Винницы на Север, в 1933 году — из Ленинграда, в 1937 году был арестован в Казани и посажен на один год. Отбыв заключение в Свияжске, освобожден 20 мая 1938 года с 3 рублями в кармане. Оказавшись совершенно без средств существования, он в течение нескольких дней нищенствовал на железнодорожной станции Зеленый Дол. Работники вокзала прогоняли его, грозились передать милиции. Как затем он рассказывал следователю: «Меня сонного разбудил дежурный по станции, сказал, что поезд пришел, и я заспанный соскочил и вбежал в вагон». Так он 1 июня 1938 года приехал на тупиковую станцию Йошкар-Ола. Как и в Зеленом Доле, несколько дней со-

бирал милостыню, дожидаясь, когда можно будет отсюда уехать. 6 июня его арестовали, присоединили к другим арестованным в это время полякам. В его «деле» указано: «без определенного места жительства и без определенных занятий». С совершенно неизвестными людьми он составил одну компанию «шпионов» и был расстрелян. Обвинение: «Под видом нищего разъезжал по стране и собирал шпионские сведения».

Также тогда были отдельные случаи, которые не могут быть отнесены к какой-либо определенной категории. Это были люди, постоянно проживавшие где-то в другом городе, но оказавшиеся в Марийской АССР в командировке. Работница Ленинградского треста «Буммонтаж» Марта Клементьевна Бронюшец-Рецкая-Добриловская, уроженка г. Белосток, приехала в длительную командировку в поселок Лопатино на строительство Марийского целлюлозно-бумажного комбината. Ее арестовали 23 марта 1938 года в ходе «польской операции», умерла в тюремной больнице 9 сентября. В ее деле имеется донос сотрудника той же конторы, где она работала: «Гр-ка Добриловская у себя хранила контрреволюционные книги, это мне пришлось лично изъять у нее одну книгу автора Есенина». Сохранился лишь один протокол допроса, заполненный на следующий день после ареста: «Вопрос: Вы хранили книгу Сергея Есенина «Стихи и поэмы» — с какой целью? Ответ: Да, это книга Есенина, я храню ее с 1933 года. Вопрос: Вы обвиняетесь в контрреволюционной деятельности, проводимой Вами среди рабочих Марбумстроя. Признаете ли Вы это? Ответ: Виновной я себя в контрреволюционной деятельности не признаю»⁴.

Русский И.И. Корнилов, работавший недолго директором Маргостеатра, приговорен к высшей мере наказания «как агент польской разведки, занимавшийся сбором сведений шпионского характера о предприятиях оборонного значения и по заданию «ПОВ» готовивший диверсионные акты на этих предприятиях».

Мариец П.А. Кудрявцев из деревни Шеклянур в начале 1920-х годов работал в Казани, там познакомился с полькой, знакомство переросло в любовь, и молодые люди поженились. Как раз в это время правительство Польши разрешило вернуться на родину полякам, оказавшимся в Советской России. Жена уговорила мужа поехать в ее родную страну, к ее родителям. В семейной жизни всякое бывает. Через полтора года между супругами наступил разлад, и Кудрявцев решил вернуться домой. «Он, — как сказано в одном документе, — был доведен до границы и отпущен». Соответствующие советские органы тогда удовлетворились его объяснением, и полтора десятилетия он жил спокойно. Но в апреле 1938 года П.А. Кудрявцев, пожарник Йошкар-Олинского лестранхоза, был арестован как «польский шпион», затем расстрелян. Оказывается, он в 1921–1923 годах в Польше обучался шпионскому делу, а затем был заброшен в нашу страну польской разведкой, «Как участник Польской Организации Войсковой ... готовил террористические акты над партийным и советским руководством»⁵.

В книге «Репрессии против поляков и польских граждан» есть одно суждение, с которым нельзя в полной мере согласиться: в «национальных операциях» 1937–1938 годов «не национальность была критерием «преступности»..., а рождение или проживание в такой (соседней, потенциально враждебной — К.С.) стране или наличие любого вида связи с ней»⁶. Во всяком случае, материалы архива Управления Федеральной Службы Безопасности РФ по Республике Марий Эл показывают, что очень часто сама принадлежность человека к поль-

ской национальности служила криминалом. Во время допросов многих заставляли признаваться именно только в этом. В «деле» Иосифа Ботвича имеется единственный протокол с такой записью: «Вопрос: Вы в паспорте и военном билете значитесь русским. Верно это? Ответ: Это верно, что я значусь русским, но на самом деле я поляк». Свидетельство очевидца: «Витковского заставляли признаваться, что он поляк, но он настаивал, что он белорус». Признания в принадлежности к полякам, а не к белорусам, как значилось в личных документах, добивались от Адуцкевичей, и даже привлекали свидетелей, которые подтверждали, что они дома разговаривают по-польски. На стеклозаводе «Мариец» и в поселке этого завода арестовали более 30 человек с фамилиями на -ский и -ич и сделали из них членов ПОВ. Расстрельный приговор им был вынесен 19 июня 1938 года.

Другое крупное групповое «дело» было составлено из 42 человек, арестованных в разное время в разных местах. Многие из них друг с другом даже были незнакомы. Среди них были не только поляки, но и евреи, и русские. Млошевский Казимир Владиславович, 1885 года рождения, уроженец города Радома, юрисконсульт Марторга, был объявлен руководителем организации ПОВ в Марийской АССР. Он был арестован 16 февраля 1938 года; не выдержав пыток, он умер 4 сентября, не дождавшись формального вынесения приговора. Остальные были приговорены к расстрелу 7 октября 1938 года⁷.

После реализации советско-германского плана разгрома и раздела Польши в сентябре 1939 года из занятой Красной Армией восточной части бывшего Польского государства в результате 4 массовых операций были насильственно выселены вглубь СССР 320 тысяч граждан Польши⁸. Жители присоединенных к Советскому Союзу территорий 29 ноября 1939 года были объявлены гражданами СССР, и на них были распространены действовавшие в Советском Союзе правовые порядки, в том числе репрессивная политика, которая была основана не на законах, а на секретных инструкциях при полном правовом произволе.

В ходе третьей массовой депортации в июле 1940 года в шести районах Марийской АССР по решению Совнаркома СССР были размещены в 14 вновь организованных лесных спецпоселках НКВД около 6 тысяч спецпереселенцев — «беженцев» (бывших польских граждан, в основном еврейской национальности, бежавших с территорий, оккупированных германской армией, в Западную Украину и Западную Белоруссию).

	Название района		Кол-во семей	Кол-во чел.
1	Оршанский район: Туршинский лесоучасток		139	355
2	Йошкар-Олинский район: Суслонгерский лестранхоз	10-й км	145	406
3	Йошкар-Олинский район: Суслонгерский лестранхоз	19-й км	129	451
4	Звениговский район: Подучасток Липша		176	360
5	Моркинский район: Нурумбальский лесопункт	(«31-й квартал»)	100	243
6	Моркинский район: Березниковский лесопункт	(«Озеро»)	114	320

7	Горно-Марийский район: Трехруткинский лесопункт		176	564
8	Горно-Марийский район. Первомайский лесопункт		201	614
9	Горно-Марийский район. Карасъярский лесопункт		130	306
10	Горно-Марийский район. Мадарский лесопункт		146	569
11	Горно-Марийский район. Цинглокский лесопункт		102	347
12	Юринский район. Кумский лесопункт		173	450
13	Юринский район. Козиковский лесопункт	10-й км.	158	370
14	Юринский район. Подучасток Нужъяры		164	437
Всего			2053	5772 ⁹ .

В последующем численность спецпереселенцев несколько изменилась за счет новых пополнений, на 17 июля 1940 года в лесных поселках Маритранлеса было уже размещено 2078 семей, 6027 человек¹⁰. По своему правовому положению они считались гражданскими интернированными. Спецпоселки были строго режимными, изолированными, их обслуживали четыре спецкомендатуры НКВД: Моркинская, Горно-Марийская, Юринская, Йошкар-Олинская (к последней были отнесены и поселки Липша и Турша). Спецпереселенцы не имели свободы передвижения. Показательно, что спецпоселок в Нурумбальском прорабском пункте (квартал 31) Моркинского района в одном документе назван лагерем.

Действовала установка о максимальном трудоустройстве спецпереселенцев на основе договора между ГУЛАГом и Наркомлесом от 20 февраля 1940 года «Об использовании спецпереселенцев в системе лесозаготовительных организаций». Но в первом контингенте, поступившем в трест Маритранлес, только 3811 человек числились трудоспособными, в январе 1941 года таковыми считались 3565 человек, остальные были престарелые и женщины с детьми.

Условия жизни и труда в спецпоселках были крайне неблагоприятные, что вынуждены были признавать органы НКВД и партийные органы. Например, после письма спецпереселенцев из поселка Турша председателю Совнаркома СССР В.М. Молотову осенью 1940 года НКВД МАССР сообщал в обком партии и правительство республики, что во многих поселках бараки не были утеплены, в некоторых даже не имелось печей; в снабжении, кроме хлеба, ничего нет (1,5 кг на работающего, по 0,5 кг — на члена семьи). «Медико-санитарное обслуживание организовано крайне плохо. Медпункты в некоторых поселках организованы, но без медикаментов. Имелись случаи вспышки брюшного тифа, дизентерии. Среди спецпереселенцев есть медики, но не используются. Детей школьного возраста 900. Школьные помещения выделены не везде, а где есть — нет оборудования. Учеба детей с началом учебного года сорвана... Евреи в субботу отказываются от работы, организуют молебства. Коллективные сборы запрещены, также запрещено делать выходные дни по субботам. Значительная часть спецпереселенцев, не имея теплой одежды и обуви, на работу не выходит. Некоторые из них в шелковых чулках и носках. Портянки и лапти не заготовлены, мало ватных брюк и фуфаяк... Среди спецпереселенцев-беженцев значительная часть в прошлом являлись жителями городов. Имеются лица из нетрудового элемента, служащие

различных профессий и специальностей, которые ранее физическим трудом не занимались, и работа в лесу им кажется трудно усвояемой, а поэтому поступает ряд заявлений о переводе на легкую работу и использование по своей специальности. Имеются случаи и скрытого саботажа, который заключается в том, что на работу ходят только для вида, а поэтому у этой части спецпереселенцев дневной заработок незначительный и не обеспечивает их содержание. В числе спецпереселенцев есть и нетрудоспособные лица, или допущенные лишь только к легкой работе, у которых других трудоспособных членов семей нет; таким образом, часть спецпереселенцев не может заработать на свой прожиточный минимум»¹¹.

В другом политдонесении отмечалось, что «многие ходят на работу в лесу только потому, чтобы получить талон на хлеб и как бы не попасть под суд за отказ от работы»¹².

В августе 1940 года только 48,3 % трудоспособных работали в лесу. Производственные нормы они выполняли ниже 50 %. Во всей системе Маритранлеса лишь несколько бригад из спецпереселенцев справлялись с плановыми нормами и заданиями.

Партком Волжского лестранхоза 27 августа 1940 года докладывал в обком партии: «План 3 квартала по вывозке выполняется исключительно плохо. Лесоучастки по линии железной дороги Дубовая — Мадары ни один план отгрузки не выполняет. Все линейные лесоучастки заселены спецпереселенцами, производительность труда по подвозке 40 %, идет сопротивление, не хотят работать, массовый невыход на работу под видом болезни... На Карасьярском лесоучастке часть переселенцев переломали пилы и побросали вместе с топорами в лесу. На Майском участке спецпереселенцы устроили митинг, требуя денег, масла, мяса, яиц и т. д. Решили не выходить на работу, если их требования не будут удовлетворены, но на утро все же вышли»¹³.

30 августа 1940 года на заседании Совнаркома Марийской АССР рассматривался вопрос «О размещении, обслуживании и использовании спецпереселенцев-беженцев на лесозаготовках»¹⁴. Отмечалось, что предыдущие решения выполняются слабо. В результате антисанитарных условий жизни в непригодных бараках возникли вспышки брюшного тифа и дизентерии. А в медпунктах, открытых в некоторых поселках, не имелось медикаментов.

В письме Марийского обкома партии в ЦК ВКП(б) на имя Г.М. Маленкова от 5 сентября 1940 года отмечалось:

«В Марийскую АССР было намечено дать 1000 семей спецпереселенцев западных областей... Произошло это с такой быстротой, что Маритранлес не сумел подготовиться к приему, и 2063 семей, присланные к нам почти без всякого предупреждения, оказались крайне скучены, в небольших бараках семей по 10 и больше. Правда, кое-где эти бараки приспособлены, но в большинстве своем эти помещения на зиму не совсем пригодны, к тому же в помещениях масса клопов и тараканов. Среди спецпереселенцев есть безнадзорные дети и старики. Кто их будет кормить? Среди переселенцев много есть легко одетых и совсем раздетых, в одних рубашках. Многие могут зимой замерзнуть... Большая часть спецпереселенцев не приспособлена к труду и в работу втягиваются с большим скрипом. В Волжском лестранхозе спецпереселенцы устроили митинг, требуя улучшить условия жизни, вернуть их на родину и т. д. Комендатура НКВД расте-

рялась, а когда комендант хотел арестовать двух человек, спецпереселенцы не дали. Есть отказы от работы, есть случаи побегов»¹⁵.

11 декабря 1940 года Совнарком МАССР обсудил вопрос и принял новое постановление «О ходе выполнения постановлений Совнаркома Марийской АССР от 30/VIII и 4/IX 1940 г. по размещению, обслуживанию и использованию на лесных работах спецпереселенцев». Отметив неудовлетворительное выполнение намеченных мер, правительство республики обязало руководство треста «Маритранлес»: закончить ремонт жилых помещений, обеспечить спецпереселенцев теплой одеждой, организовать техническую учебу, разработать мероприятия по расширению жилой площади в спецпоселках, улучшить работу столовых, принять меры против инфекционных заболеваний¹⁶.

Озабоченность партийных и советских органов об улучшении быта и снабжения спецпоселенцев вполне объяснима. Для них важно было обеспечить рациональное использование труда, повышение его производительности, эффективности. А хозяйственные руководители чаще всего смотрели на спецпоселенцев, как на временную обузу, как на виновных, которых надо держать в строгом порядке.

В сообщении от 27 декабря 1940 года «О состоянии и недостатках в спецпоселках Марийской АССР» вновь отмечалось, что ситуация мало изменилась: недостаток жилого фонда, инвентаря и оборудования; отсутствие помещений под школы, медпункты и столовые; крайний недостаток учебных пособий и медикаментов¹⁷.

Наблюдалась большая разница между «гуманными» решениями партийно-советских органов и реальным положением спецпоселенцев. Постановления о создании им всех необходимых жилищно-бытовых и культурно-образовательных условий соблюдались очень плохо. Руководители леспромхозов игнорировали, да и не всегда могли выполнить пункты, обязывавшие их улучшить продовольственное снабжение, благоустроить жильё. Скученность в плохо приспособленных к жизни бараках, антисанитария в сочетании с тяжелым физическим трудом характеризовали жизнь спецпоселенцев.

Главную заботу для хозяйственных руководителей представляло максимальное трудоиспользование предоставленного в их распоряжение контингента. Но подневольный труд был малоэффективным, особенно с учетом того, что спецпереселенцы в Марийской АССР были представителями интеллигентных профессий, никогда в жизни не державшими в руках пилу и топор. В связи с тем, что основную массу среди них составляли евреи, в документах зафиксированы многочисленные случаи антисемитизма. В одной из докладных записок в НКВД СССР «О трудовом использовании спецпереселенцев-беженцев, находящихся в Марийской АССР», сообщалось: «Начальник Волжского ЛТХ тов. Черевков на 85 квартале (с/п № 10) в присутствии коменданта тов. Смоленцева заявил, что «евреев вообще не научить работать»¹⁸. Спецпереселенцам выделяли худшие участки, часто выдавали неисправные инструменты.

Малопродуктивным был труд не только польских спецпереселенцев, но и других категорий людей, занятых на лесозаготовках: заключенных и пригнанных колхозников. Поэтому Маритранлес план 1940 года по заготовке древесины выполнил лишь на 56,1 %¹⁹.

В условиях Великой Отечественной войны на основе соглашений с эмигрантским правительством Польши произошло ослабление режима содержания

«беженцев». 12 августа 1941 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии всех депортированных граждан Польши. Формально им было предоставлено право выбора места проживания, но фактически почти все они остались в местах спецпоселения. Небольшая их часть, представленная этническими поляками, получила право переехать в места формирования польской армии Андерса, затем — в её составе — в Иран.

В Марийской АССР было организовано представительство (делегатура) Польского посольства (доверенное лицо — Игнатий Бернардович Глаговский, его заместитель в Горномарийском районе — Майзельс). Сюда даже приезжали официальные представители посольства эмигрантского правительства Польши. В Марийской АССР также открылось отделение Союза польских патриотов и производился набор в подконтрольную советскому командованию дивизию имени Костюшко. В октябре 1943 года 30 инвалидов и престарелых польских граждан были определены в дом инвалидов в деревне Мишино Юринского района.

В Йошкар-Оле и поселке Карасьяр Горномарийского района были устроены склады благотворительных грузов, откуда через Комиссию содействия при участии представителей Наркомторга МАССР продовольствием и одеждой снабжались в первую очередь члены семей поляков и польских граждан, записавшихся в дивизию имени Костюшко, и престарелые, неспособные к труду. Некоторым семьям было разрешено в индивидуальном порядке выехать из Марийской АССР в южные области и республики. В то же время ходатайство посольства Австралии на выезд в эту страну спецпереселенцев, имевших там родственников (Барбара Габровская с матерью Юлией Ивановной Паке и дочерьми Эльжбетой и Марией, супруги Гриншпан Михаил Иосифович и Антонина Якубовна, Ванда Ришардовна Ридль, Елена Феликсовна Чаш, Лидия Владиславовна Костка), не было удовлетворено.

Представителям Польского посольства не всегда удавалось положительно решать вопросы удовлетворения интересов своих граждан. Например, они ходатайствовали об освобождении польских граждан от работы в рождественские дни (католические) 24 и 25 декабря 1942 года. Но в этом было отказано, в связи с чем спецкомендатуры МАССР разъясняли спецпоселенцам, что «в случае невыхода на работу будут привлечены к уголовной ответственности»²⁰.

В 1943 году в отношении польских спецпереселенцев (по терминологии тогдашних документов — «бывших польских граждан») проводилась кампания по «паспортизации»; их пытались заставить получить советские паспорта. Кроме нескольких человек, все остальные отказались от этого, выражали патриотические настроения, надежду на восстановление Польского государства и возвращение на родину. Это расценивалось, как «антисоветская агитация», несколько человек даже было арестовано.

В архиве Управления ФСБ РФ по Республике Марий Эл сохранились сведения об агентурной разработке «Двойка» по обвинению заведующего складом благотворительных грузов в поселке Карасьяр Миштальского (бывшего полковника польского Генштаба) и доверенного лица в городе Козьмодемьянске Зигмонда Зайнчковского в том, что они «сгруппировали антисоветскую группу поляков» и проводили «профашистскую агитацию, восхваляли гитлеровскую армию». Также было заведено дело «Круг» по «польским шпионам», группировавшимся вокруг И.Б. Глаговского и его секретаря Розалии Юлиановны Мазуровой²¹.

5 апреля 1944 года было принято Постановление Советского правительства о разрешении польским гражданам переселиться в южные области, 11 июля это было распространено также на Украину. Большинство спецпоселенцев в Марийской АССР в течение последующих месяцев воспользовались этим разрешением, тем более что власти республики не противились этому, ибо лесные спецпоселки надо было освобождать для нового контингента — крымских татар.

Уже после окончания войны по советско-польскому соглашению от 6 июня 1945 года оставшихся спецпереселенцев-беженцев было разрешено репатриировать в Польшу.

Последние группы польских спецпереселенцев выехали из Марийской АССР в марте 1946 года²².

Для проведения этой работы в Марийской АССР была образована республиканская комиссия, которая действовала совместно с местным комитетом Союза польских патриотов. Эшелон из Йошкар-Олы был отправлен в ночь с 16 на 17 марта 1946 года. На какое-то время, впредь до оформления всей документации по репатриации, остались председатель местной организации Союза польских граждан Понятовская и ее заместитель Минц²³. К 1 мая выехали из Марийской АССР все польские спецпереселенцы, кроме отказавшихся уехать, которых к этому времени стало 10 человек.

Отъезжающие по разному оценивали свое вынужденное пребывание в Марийской Республике. Учительница польской школы Фромер благодарила местных руководителей за проявленную заботу о спецпоселенцах, особенно о детях, которым была предоставлена возможность учиться. В то же время спецпоселенка Вальдман заявила: «Закончились наши мучения в России. Никто из поляков не забудет нанесенные нам обиды в 1941 году, когда без разбора всех, даже с высшим образованием, заставили работать на лесозаготовках»²⁴.

И еще одна «польская» страница в истории Марий Эл связана с нахождением на её территории лагерей военнопленных. В республике ко времени окончания войны располагались лагерь № 171 около поселка Усть-Шора в Суслонгерском леспромхозе и лагерь № 265 в городе Волжске²⁵.

В 1947 году лагерь № 171 пополнился интернированными поляками. После изгнания из Польши немецко-фашистских войск советскими военными и спецорганами были обезоружены и изолированы участники некоммунистического антигерманского Сопrotивления, в основном члены Армии Крайовой, подчиненной польскому правительству в эмиграции. Даже по советским законам оказалось невозможно юридически сформулировать обвинения для этой части населения Польши. Но для строительства «новой» Польши они могли оказаться серьезной помехой, поэтому их просто объявили интернированными, заключили в лагерь военнопленных и вывезли вглубь Советского Союза.

Летом 1947 года в Рязанском лагере военнопленных № 454 интернированные польские граждане устроили массовые акции протеста, голодовки, требуя прибытия в лагерь представителя польского посольства, смягчения режима и улучшения условий содержания. В связи с этим они были переведены в другие лагеря. В том числе 350 человек (в основном рядовых), 7 июля были направлены в лагерь № 171 (официальный адрес — посёлок Суслонгер Марийской АССР). Здесь они занимались лесоповалом. В докладной записке МВД Марийской АССР от 6 апреля 1949 года о лагере № 171 сообщалось: «До 1947 г. контингент рабо-

тал только по самообслуживанию лагеря в связи с тем, что в основном содержался режимный старший офицерский состав. С прибытием в лагерь репатриированных поляков рабочая сила поставлялась Суслонгерскому военлесокombинату Министерства военных и военно-морских предприятий». Осенью 1947 года четыре интернированных поляка совершили групповой побег. До этого при попытке к побегу был смертельно ранен Иосиф Пепунко. Зигмунд Янович Ваверек за «антисоветскую агитацию» был осужден на 25 лет заключения (реабилитирован).

В октябре 1947 года большая часть поляков (303 человека) была репатриирована в Польшу, остальные в начале 1948 года переведены в лагеря военнопленных № 265 в городе Волжске и № 119 в городе Зеленодольске, откуда в следующем году, в июне 1949 года, тоже отпущены на родину²⁶.

Примечания

- ¹ Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. Вып. 1. С. 4.
- ² Там же. С. 22.
- ³ Архив Управления ФСБ РФ по Республике Марий Эл.
- ⁴ Архив Управления ФСБ РФ по РМЭ. Арх. дело № 468.
- ⁵ Государственный архив РМЭ, ф. 1-п, оп. 4, д. 298, лл. 9, 77.
- ⁶ Репрессии против поляков и польских граждан. Вып. 1. М., 1997. С. 34.
- ⁷ Архив УФСБ, арх. дело № 2183,
- ⁸ Репрессии против поляков и польских граждан. Вып. 1. М., 1997. С. 6.
- ⁹ Архив УФСБ, арх. № 211, л. 1, 14.
- ¹⁰ Госуд. архив. РМЭ (ГА РМЭ), ф. 1 п., оп. 4, д. 557, л. 1.
- ¹¹ Архив УФСБ, арх. № 21-1, л. 12.
- ¹² Там же, л. 8.
- ¹³ Госуд. архив. РМЭ (ГА РМЭ), ф. 1 п., оп. 4, д. 561, л. 251-252.
- ¹⁴ Архив УФСБ, арх. № 21-1, л. 15.
- ¹⁵ Госуд. архив. РМЭ (ГА РМЭ), ф. 1 п., оп. 4, д. 526, л. 144-145.
- ¹⁶ Госуд. архив. РМЭ (ГА РМЭ), ф. р-542, оп. 3, д. 69, л. 6-7.
- ¹⁷ Архив УФСБ, арх. № 21-1, л. 72.
- ¹⁸ Репрессии против поляков и польских граждан. С. 132.
- ¹⁹ Архив УФСБ, арх. № 21-42, л. 23.
- ²⁰ Там же, арх. № 23-13, л. 38.
- ²¹ Там же, арх. № 23-11, лл. 36 об, 88-89.
- ²² Там же, арх. № 26-15, лл. 74, 89, 99.
- ²³ Там же, арх. № 26-24, л. 74 и др.
- ²⁴ Архив УФСБ, арх. № 34-9, л. 89 об.
- ²⁵ См.: Сануков К.Н., Белкина Н.Г. Лагеря военнопленных в Марийской АССР (1941-1948 гг.) // Марийский археографический вестник. № 20.
- ²⁶ Репрессии против поляков и польских граждан. С. 231-232.

В.М. Новик

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ БЕЛОРУСОВ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

Бурные исторические события часто заставляли белорусов покидать родную землю. Так, по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года¹ в Республике Марий Эл, проживали 1406 жителей Беларуси², для которых она стала второй Родиной.

Белорусы прибывали сюда по разным причинам. Это были эвакуированные в годы Великой Отечественной войны и направленные по распределению после окончания учебных заведений в Беларусь специалисты для участия в подъеме